

## ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Съ театральными дѣлами—тихо.—Родники и лужицы.—Затычки и таланты.—Эпиграмы.—Ихъ происхожденіе и характеристика.—Значеніе Художественно - Общедоступнаго театра для драматической дѣятельности г. Чехова.—Значеніе режиссера-художника.—Дѣла и дѣлшки.

Все спокойно надъ волнами,  
Безъ движенія море спитъ,  
И печально мореходецъ  
На равнину водъ глядитъ.

Вѣтры стихли, замолчали,  
Какъ въ могилѣ—тишина.  
И на всей обширной дали  
Не шелохнется волна.

Я привожу (въ переводѣ О. Б. Миллера) это стихотвореніе Гёте потому, что оно рисуетъ вторую недѣлю драматическаго затишья нашихъ театровъ гораздо лучше, нежели бы я могъ сдѣлать это собственными словами. Нѣтъ новыхъ піесъ, да и только! Иной разъ даже удивительно сдѣлается. Удивительно не потому что какъ будто внезапно изсякъ родникъ нашего драматическаго творчества. Изсякать онъ и не думалъ. Но былъ ли онъ дѣйствительнымъ родникомъ, могучимъ и свѣжимъ, выбивающимся на земную поверхность изъ сокрытыхъ глубинъ, или же это была невинная лужица,—объ этомъ ученые еще весьма спорять.

Одни увѣряютъ что „родниковое“ происхожденіе можно считать лишь за піесами оригинальными, между тѣмъ какъ всевозможные переводы, передѣлки и заимствованные сюжеты составляютъ простой балластъ, ничего общаго съ лите-

ратурой не имѣющій, ибо предполагающій для своей подѣлки не художника, не драматурга, не литератора, а лишь „мастеровыхъ“, приписавшихся къ литературному цѣху. Другіе ученые возражаютъ на это, что въ странное время, какое мы переживаемъ по отношенію къ русской литературѣ, нѣтъ возможности точно установить границы между оригиналомъ и плагиатомъ. Стоитъ автору, живущему, положить, въ Одессѣ, вывести въ своей піесѣ мужа и жену, тещу и тестя, молодого ученаго и молодую дѣвушку, какъ черезъ недѣлю изъ Нахичевани, изъ Ростова - на - Дону, изъ Лубенъ и прочихъ интеллектуальныхъ центровъ російскаго просвѣщенія уже являются обличительныя письма, въ которыхъ авторы ихъ заявляютъ о непоколебимомъ своемъ намѣреніи привлечь своего одесскаго собрата къ суду за плагиатъ.

„Въ моей піесѣ *Разодранное Сердце*“, пишетъ лубенскій интеллигентъ, „сочиненной мной уже въ шестидесятихъ годахъ, но до настоящаго времени еще не представленной вслѣдствіе интригъ, жертвой которыхъ всегда становятся *настоящіе таланты*, встрѣчается именно столько же лицъ, какъ и въ якобы оригинальной комедіи вашего сочиненія. Положимъ, вѣдь молодой человекъ—докторантъ, тестъ—помѣщикъ, а теща—урожденная княжна Ятебрыкяу, между тѣмъ какъ въ моей драмѣ молодой человекъ—интеллигентный крестьянинъ, тестъ—безсердечный ростовщикъ, а теща—дочь московскаго лабазника съ Конной площади. Но именно это-то кажущееся несходство и доказываетъ какъ нельзя убѣдительнѣе ту преднамѣренность, съ какой вы, тайно рѣшившись воспользоваться моей мыслью, приложили къ производству въ дѣло вашего намѣренія. У меня есть

цѣлый рядъ свидѣтелей, достойнѣйшихъ лицъ, по нѣскольکو разъ слышавшихъ мое чтеніе драмы *Разодранное Сердце*, и всѣ они выступаютъ на мою защиту противъ вашего плагіата“.

Вотъ тутъ и поди! И вѣдь не думайте, чтобъ я сочинилъ или преувеличилъ. Не знаю, легче ли стало теперь, но еще нѣскольکو лѣтъ тому назадъ, при появленіи оригинальной русской новинки, наши *messieurs de la presse* прежде всего старались поймать и уловить ту иностранную или русскую піесу, изъ которой, по ихъ убѣжденію, долженъ былъ быть „скраденъ“ сюжетъ новой русской комедіи или драмы. Не знаю какое удовольствіе заключалось въ этихъ *recherches de la paternité* и какую пользу почерпали русскій театръ и русская литература изъ этихъ хлопотъ. Я просто устанавливаю фактъ, а затѣмъ продолжаю досказывать мою мысль.

Да, такъ количество новыхъ піесъ не могло изсякнуть такъ внезапно чтобъ оставить всѣ драматическіе Московскіе театры безъ повиннокъ на цѣлые двѣ недѣли. Посмотрите на списокъ членовъ нашего Общества драматическихъ писателей. Когда я послѣдній разъ дѣлалъ въ немъ справку, лѣтъ пять тому назадъ, то количество лицъ, охранявшихъ свои авторскія права, доходило до пятисотъ. Теперь оно вѣроятно увеличилось. Не могу сказать этого навѣрное; передо мной нѣтъ новѣйшаго каталога. Я разсуждаю *a priori*.

И я рѣшительно удивляюсь. Въ жизни нашихъ Московскихъ театровъ несомнѣнно что-то произошло. Я читалъ въ разное время и въ разныхъ газетахъ, что Московскій казенный театръ возвратилъ тремъ авторамъ ихъ піесы, уже одобренныя литературно-театральнымъ комитетомъ, и, на основаніи этого одобренія, предназна-

чавшіяся къ постановкѣ на сценѣ Государственнаго русскаго хуожественнаго института. Не буду называть именъ. Тѣ, кто дѣйствительно интересуется судьбами русскаго драматическаго искусства, тѣ вѣроятно помнятъ эти имена. Хорошо помнятъ они также и то обстоятельство что еще нѣскольکو лѣтъ тому назадъ эти авторы торжествовали по всей линіи и заранѣе могли быть увѣрены въ томъ, что каждая ихъ піеса будетъ безусловно принята къ постановкѣ.

Меня всегда умиляло одно обстоятельство. Возмнили о себѣ эти авторы—страшно, какъ и слѣдовало ожидать. Они сидѣли, какъ древніе боги, на недоступныхъ высотахъ роССійскаго Парнаса. Но, спускаясь на землю и появляясь время отъ времени въ театральныхъ фойе и курильняхъ, они не вкатывались туда, сидя на большой скамейкѣ, задрапированной ярко-синимъ тарлатаномъ, какъ это случилось съ г. Ильинскимъ на злополучномъ юбилей Большаго театра, а приходили въ партикулярной одеждѣ, прятали свою геніальность въ душѣ и по внѣшности казались совсѣмъ заурядными людьми. Иногда, даже, прямо—недалекими.

Что же случилось? Отчего у насъ нѣтъ новыхъ піесъ, вотъ уже цѣлыя двѣ недѣли? Я лично очень этому радъ, ибо схватилъ себѣ на „юбилейномъ“ спектаклѣ такой бронхитъ, что, все равно, не могъ бы пойти въ театръ. Но меня интересуетъ причина, и я, по этому поводу, бесѣдовалъ съ тѣми учеными, которые—помните?—тщательно различаютъ надземныя лужицы отъ подземныхъ родниковъ. Они меня совсѣмъ съ толку сбили.

— Вы, говорятъ, очевидно стоите за оригинальное русское творчество?

— Да, отвѣчаю.—Грѣшный чловѣкъ. Несказанно мнѣ обидно ви-

*Дело, какъ и въ жизни сроднившихъ ма-  
юта. своя собственная драматиче-  
ская литература развилась и процветала...*

*Помн. — С. Васильев  
(С. А. Фетеров)*

м. 1058

4  
(...)  
несмотря на то что по разным указаніямъ передъдывалъ свою залежь разъ по семи, мѣнялъ развязки, превращалъ бѣлое въ черное и наоборотъ,—навѣрное онъ просто на просто заглавіе теперь измѣнилъ, да можетъ быть имена дѣйствующихъ лицъ. Ничего, молъ, сойдетъ за новое.. Эпигоны! да вѣдь это не почетное званіе какое-нибудь. Это люди-затычки. На безрыбьи и Гома дворянникъ, а на безрыбьи и ракъ—рыба.

— Однако, говорю я, вѣдь и между эпигонами могутъ быть таланты. Какъ затычку отъ развивающагося таланта отличить?

— А средство, говорятъ ученые, очень простое. Филтровка тутъ нужна.

— Слыхалъ, говорю я, о петербургскихъ филтрахъ. Такъ вѣдь тамъ отъ нихъ кромѣ вреда никакой пользы не получается.

— А мы, говорятъ ученые, со всемъ о другой филтровке. Положите горсти двѣ нашихъ драматическихъ эпигоновъ, мужскаго и женскаго пола (теперь этихъ эпигоншъ до безконечности развелось) — положите ихъ въ хорошее рѣшето и протрите въ немъ по правиламъ искусства. У насъ это называется *lege artis*. Все, что провалится сквозь петли рѣшета, все это будутъ—затычки. А что въ рѣшетѣ останется—это будутъ развивающіеся таланты изъ эпигоновъ. А теперь прощайте. Будьте здоровы. Вы человекъ до нѣкоторой степени свой. Мы съ васъ за консультацію ничего не возьмемъ.

Поднялись, раскланялись, пожали мнѣ руку и ушли. А я остался, какъ говорилъ вамъ уже ранѣе, сбитымъ съ толка.

Что случилось бы съ г. Чеховымъ, бесспорно талантливымъ человекомъ,

но столь же бесспорно—эпигономъ, еслибы его Чайка и Дядя Ваня, собирающія теперь каждый разъ полную зрительную залу на Художественно-Общедоступномъ театрѣ,—что случилось бы съ нимъ, еслибы онъ не встрѣтилъ такого удивительнаго содѣйствія въ дирекціи и артистахъ этого театра? Мнѣ думается, что его должна была бы постигнуть участь, которую уже было и приготовилъ ему петербургскій театръ, гдѣ Чайка „провалилась“, а вслѣдъ за ней, несомѣнно, провалился бы и Дядя Ваня. Эпигоны, какъ бы талантливы они ни были, все-таки остаются эпигонами. Они образуютъ новое литературно-художественное наслоеніе, художественные законы котораго нужно умѣть угадать, жизненный нервъ котораго нужно умѣть найти. Я совершенно сознательно пишу „угадать“, ибо скальпель философскаго и эстетическаго анализа возможно прилагать лишь по отношенію къ минувшему, ставшему достояніемъ исторіи, а вмѣстѣ съ этимъ—предметомъ объективнаго обсужденія цѣлыхъ цикловъ законченныхъ твореній. Московскій Художественно-Общедоступный театръ „угадалъ“ Чехова. Онъ сослужилъ ему самую большую службу, какую только театръ можетъ сослужить писателю. Онъ создалъ для него ту высшую сценическую среду, благодаря которой Чайка и Дядя Ваня выступаютъ передъ зрителями такъ, какъ хотѣлъ этого авторъ.

Хотѣлъ ли? или же только желалъ, мечталъ, надѣялся? Эти вопросы легче ставить, нежели разрѣшать. Авторы мнѣ, чѣмъ кто-либо, замѣчаютъ недостатки сценической постановки своихъ пьесъ. Они, такъ сказать, добавляютъ отъ себя много, что извѣстно только имъ од-

IV  
нпмъ, что носится только въ ихъ душѣ, совершенно ясно для нихъ и, наоборотъ, только еще должно быть разъяснено публикѣ посредствомъ сценической постановки. Но если сценическій художникъ, именуемый режиссеромъ, до такой степени проникнется общимъ настроеніемъ пьесы, что заставитъ своею постановкой громко и явственно для всѣхъ звучать въ зрительной залѣ тотъ аккордъ, который носился въ душѣ автора, то, думается мнѣ, самъ этотъ авторъ впервые услышитъ, благодаря режиссеру, торжествующую гармонию, или же скорбный диссонансъ вмѣсто тѣхъ смутныхъ переливовъ чувства, вмѣсто тѣхъ неясныхъ звуковыхъ колебаній, которые наполнили его душу въ то время, когда онъ создавалъ свою драму. Можно ли при этихъ условіяхъ утвердительно говорить, что театръ только выполнялъ намѣренія и желанія автора? По моему мнѣнію—нельзя. Авторы-эпигоны немислимы для меня на сценѣ иначе, какъ при совершенно творческой работѣ режиссера - художника. Измѣнились не бѣлый свѣтъ и всюду разлитая въ немъ жизнь. Измѣнился уголъ зрѣнія, подъ которымъ смотреть на то и другое писатели-эпигоны. Было бы несправедливымъ обвинять ихъ въ отсутствіи широты, или дали, или синтеза предыдущаго поколѣнія „большихъ“ писателей.

Эпигонство, литературное и художественное, имѣютъ въ своемъ основаніи два коренныя условія, неизмѣнно, но и неизбежно, призывающія его къ рожденію и существованію. Первое изъ этихъ условій заключается въ томъ, что эпигоны суть преемники и замѣстители предшествовавшей крупной художественно-литературной эпохи. въ сравненіи съ героями которой они

всегда будутъ казаться и всегда кажутся мельче и тщедушнѣе, нежели быть-можетъ они есть на самомъ дѣлѣ. Второе условіе, выражающееся въ измѣненіи угла зрѣнія во взглядѣ на вещи вчерашняго дня, продолжающія безъ измѣненія существовать также и сегодня, есть простой результатъ совершенно различныхъ плоскостей, на какихъ стоятъ два литературно-художественныя поколѣнія. Эпигоны не могутъ нести вины въ томъ, что они зараждаются и живутъ на почвѣ иного культурнаго слоя, который естественно долженъ обуславливать иную перспективу, иной уголъ зрѣнія.

Г. Чеховъ, какъ драматическій писатель, спасенъ для нашего театра совершенно случайно, благодаря исключительному стеченію обстоятельствъ и тому художественному протесту противъ мертвящей рутинны русскаго театральнаго дѣла, какой вызвалъ къ жизни кипучую художественную дѣятельность Художественно-Общественнаго театра. На Маломъ театрѣ *Чайка* и *Дядя Ваня* неизбежно должны были бы „провалиться“. Сценическая рутинна и бюрократизмъ свили себѣ здѣсь центральное гнѣздо.

И не могу отдѣлаться отъ представления, что гнѣздо это представляетъ полнѣйшую аналогію съ тѣмъ осиннымъ гнѣздомъ, какое я минувшимъ лѣтомъ каждый день наблюдалъ по нѣскольку разъ на верхней террасѣ моей дачи. Сначала это было совсѣмъ маленькое гнѣздо, прильпившееся къ углу подъ самымъ потолкомъ. Можно было подумать, что это гнѣздо какой-нибудь птички. Но вотъ оно начало расти съ каждымъ днемъ и быстро превратилось въ какой-то громадный, безобразный баклажанъ, въ которомъ

12  
гудили осы. Стало опаснымъ не только притронуться къ этому безобразному чудяцу, но даже близко подходить къ нему. Покойный А. П. Островскій жизнью заплатилъ за попытку разорить такое гнѣздо.

Да чего же, въ самомъ дѣлѣ, и требовать отъ людей, которые повиты и воспитаны рутиной? Какія свѣжія вѣянія искусства, художественнаго и литературнаго образованія могутъ проникнуть въ осиное гнѣздо, гдѣ ищѣ присидѣлись въ теплѣ и уютѣ? Не начинать же, въ самомъ дѣлѣ, своего отсутствующаго художественнаго образованія въ такія лѣта, которыя очень близки къ предѣльному возрасту военной службы, — можетъ быть и перешли этотъ возрастъ.

Я слышалъ, что на Маломъ театрѣ предполагается ввести режиссерство отдѣльныхъ артистовъ по отдѣльнымъ группамъ пьесъ. Въ принципѣ это превосходная мысль, ибо ею достигалось бы въ значительной мѣрѣ то „освѣженіе“, послѣдствіе отсутствія котораго задыхается и болѣетъ нашъ Малый театръ. Но пока предметъ городскихъ разговоровъ не обратится въ совершившійся фактъ, а фактъ этотъ не выразится въ письменной формѣ внутренней инструкціи „объ обязанностяхъ и правахъ режиссерской части“, до того времени я не имѣю ни матеріала, ни основанія для дальнѣйшихъ сужденій.

Можно ли одобрить совершенное почти отсутствіе оригинальныхъ русскихъ новиннокъ на нашемъ Маломъ театрѣ?

Явленіе это нужно прямо привѣтствовать, какъ несомнѣнный успѣхъ въ сознательномъ художественно-литературномъ отношеніи къ дѣлу. Сколько разъ приходилось мнѣ писать на этихъ столбцахъ, что предпочтительнѣе два года подъ рядъ да- (...)

С. Васильев  
(С. В. Флеров)